

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.17853/1994-5639-2019-9-80-97

ТИПЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЧЕНСКИХ СТУДЕНТОВ

М. Т. Хасханова¹, М. В. Верещагина²

Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия.

E-mail: ¹milaya@mail.ru, ²vermarina@inbox.ru

Аннотация. *Введение.* В связи с ростом религиозного самосознания российской молодежи актуализируется изучение ее религиозной идентичности. Особое внимание ученые уделяют исламским конфессиям, так как и в западных странах, и в Российской Федерации увеличивается численность мусульман. Однако в научных публикациях освещаются преимущественно социологические аспекты данной проблемы, и недостаточно исследованной остается ее психологическая составляющая, во многом определяющая социальное поведение человека и влияющая на процесс его социализации. Учитывая интерес научного сообщества к арабо-мусульманской культуре, соответствующие психологические исследования целесообразно проводить в регионах с преобладанием мусульманского населения. К одной из таких территорий в РФ относится Чеченская Республика.

Цель представленного в публикации исследования состояла в выявлении особенностей и типов религиозной идентичности чеченских студентов.

Методология и методики. Исследование выполнено в рамках социально-психологического подхода с использованием опросников «Шкала религиозной ориентации» Г. Олпорта, Д. Росса и «Структура индивидуальной религиозности» Ю. В. Щербатых; анкеты А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой по изучению определенности и валентности этнической идентичности и готовности к межэтническому взаимодействию; а также методики «Типы этнической идентичности», разработанной Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой.

Результаты и научная новизна. Установлено, что большинству чеченских студентов свойственна последовательная внутренняя религиозная ориентация, при которой ислам представляет собой главную ценность и первичный мотив деятельности. Четверть выборки испытуемых продемонстрировала

последовательную внешнюю религиозную ориентацию, характеризующуюся инструментальной или внешней значимостью. Незначительную группу респондентов можно отнести к непоследовательно религиозным: у этих молодых людей внешняя религиозность преобладает над внутренней, и мотивация поведения слабо связана с религией. На основе факторного анализа выделены типы религиозной идентичности чеченских студентов: этнокультурный, истинный мусульманский, формальный, просоциальный, неадаптивный, неорелигиозный, этноцентрический и позитивный этнический. Данные типы отражают сочетания переменных, описывающих религиозные ориентации и этническую идентичность, связь которых на подобной целевой группе исследовалась впервые. Обнаружилось, что в структуре социальной идентичности студентов доминирует этнокультурная религиозная идентичность.

Практическая значимость. Материалы исследования обогащают представления о содержании понятия «религиозная идентичность», ее месте в структуре социальной идентичности личности, а также о корреляции религиозных ориентаций с этнической идентичностью.

Ключевые слова: религиозная идентичность; мусульманская идентичность; этнокультурная религиозная идентичность.

Благодарности. Авторы выражают благодарность коллегам – сотрудникам научного отдела Северо-Осетинского государственного педагогического института, Чеченского государственного педагогического университета и рецензентам, которые помогли качественно подготовить данную статью.

Для цитирования: Хасханова М. Т., Верещагина М. В. Типы религиозной идентичности чеченских студентов // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 9. С. 80–97. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-9-80-97

THE TYPES OF RELIGIOUS IDENTITY OF CHECHEN STUDENTS

M. T. Khaskhanova¹, M. V. Vereshchagina²

Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia.

E-mail: ¹milaya@mail.ru, ²vermarina@inbox.ru

Abstract. *Introduction.* In connection with the growth of religious consciousness of young people in Russia, the study of their religious identity is being updated. Scientists pay special attention to Islamic denominations, as both in Western countries and in the Russian Federation, the number of Muslims is increasing. However, scientific publications cover mainly sociological aspects of the problem, and its psychological component remains insufficiently investigated,

which largely determines the social behaviour of a person and affects the process of his or her socialisation. In view of the interest shown by the scientific community in Arab-Muslim culture, appropriate psychological research should be carried out in Muslim-dominated regions. The Chechen Republic is one of such territories in the Russian Federation.

The *aim* is to identify the characteristics and types of religious identity of Chechen students.

Methodology and research methods. The study was performed in the framework of socio-psychological approach using the following questionnaires: “Scale of Religious Orientation” by G. Allport, D. Ross; “Structure of Individual Religiosity” by Y. V. Shcherbatykh; questionnaires developed by A. N. Tatarko and N. M. Lebedeva for the study of certainty and valence of ethnic identity and readiness for interethnic interaction; “Types of Ethnic Identity” by G. U. Soldatova and S. V. Ryzhova.

Results and scientific novelty. It is revealed that the majority of Chechen students are characterised by consistently internal religious orientation, in which religion is the main value and primary motive of activity. Almost a quarter of respondents demonstrated consistently external religious orientation, characterised by instrumental or external significance. A small group of respondents can be classified as inconsistently religious, whose external religiosity prevails over the internal, and their motivation for behaviour is poorly connected with religion. On the basis of the factor analysis, the types of religious identity of Chechen students are revealed: ethno-cultural, true Muslim, formal, pro-social, non-adaptive, non-religious, ethnocentric and positive ethnic. The present study evidences that the structure of social identity of students is dominated by ethno-cultural religious identity.

Practical significance. The research results extend the knowledge about the content of the concept of “religious identity”, its place in the structure of social identity of the individual, as well as about the relationship of religious orientations with ethnic identity.

Keywords: religious identity, Muslim identity, ethno-cultural religious identity.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the colleagues of the scientific Department of the North Ossetian State Pedagogical Institute, Chechen State Pedagogical University. Also, the authors extend their thanks to the reviewers, who provided considerable assistance in the article preparation.

For citation: Khaskhanova M. T., Vereshchagina M. V. The types of religious identity of Chechen students. *The Education and Science Journal*. 2019; 9 (21): 80–97. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-9-80-97

Введение

Увеличение численности мусульманского населения как в странах Запада [1–2], так и в России [3–5] повышает интерес научного сообщества к арабо-мусульманской культуре. В публикациях последних десятилетий рассматриваются преимущественно ее социологические аспекты, а изучению ее психологического содержания пока уделяется недостаточно внимания. Вместе с тем психологическая наука испытывает все возрастающую потребность в результатах исследований процесса религиозной самоидентификации и религиозной идентичности мусульман.

Подобные исследования целесообразно проводить на примере стран (регионов), где преобладает мусульманское население. К одному из таких регионов Российской Федерации относится Чеченская Республика. Актуальность определения религиозной идентичности чеченских студентов обусловлена

- социальным запросом российского общества на изучение поведения молодежи под влиянием социокультурных процессов, в том числе исламизации, сопровождающейся ростом религиозного сознания;
- необходимостью прогнозирования межкультурных и этноконфессиональных взаимодействий российской молодежи.

Феноменологию и закономерности поведения членов этнокультурной группы, обусловленные фактом их включения в религиозное сообщество и религиозные практики, лучше всего отражает социально-психологический подход, представленный в работах Л. М. Дробижевой [6], С. Московичи [7], А. Н. Крылова [8], Г. Тэджфела, Дж. Тернера [9] и др.

Цель нашей работы заключалась в выявлении особенностей религиозной идентичности чеченских студентов, в соответствии с чем решались следующие задачи:

- определить типы религиозных личностей участников исследования;
- вскрыть специфику их религиозной идентичности в зависимости от выраженности внутренней или внешней религиозных ориентаций и их связей с типами и видами этнической идентичности.

Обзор литературы

Проблему религиозной идентичности и религиозного сознания рассматривали и зарубежные, и отечественные исследователи. Многие из них причисляют религиозную идентичность к видам социальной идентичности личности, на формирование которой оказывают воздействие различные религиозные институты, организации и объединения [10–15]. Подчеркнем, что отношение личности к религии как одной из базовых категорий

духовности и нравственности во многом определяет особенности социального поведения человека и процесс его социализации¹.

Э. Гидденс отмечал, что в ходе развития общества исходя из существующих социальных оппозиций формируются стратегии поведения и так называемая жизненная политика – происходит творческий процесс самоактуализации индивида в рефлексивно упорядоченной среде. Главная задача выработки этой политики на закате позднего (высокого) модерна заключается в создании форм социальной жизни, которые будут способствовать самоактуализации «Я» в контексте глобальных взаимозависимостей индивидуальных и планетарных потребностей [16]. В соответствии с данными размышлениями актуально изучение феноменов религиозной и этнической идентичностей, обусловленных потребностью в социальной идентификации в условиях «радикализации модерна» и определяющих положение личности в обществе, ее направленность, целостность Я-концепции, диспозиции и характер взаимодействия с социальной средой.

В последние десятилетия исследования содержания религиозной идентичности, включающей типологии религиозных личностей, приобрели особую значимость в социальной психологии. Ч. Глок, акцентируя многогранность данного феномена, показал, что указанная идентичность проявляется в пяти измерениях:

- идеологическом, связанном с содержанием веры;
- ритуалистическом, реализующемся в религиозной практике и обрядах;
- опытным, отражающем личные религиозные переживания;
- интеллектуальном, направляющем духовное развитие и формирование индивидуальности;
- мировоззренческом, основанном на следовании религиозным ориентирам, определяющим восприятие мира и взаимоотношения с другими людьми в светской жизни [17].

В России изучением проблемы идентичности, в том числе исламской (мусульманской), занимались И. Л. Бабич [18], Г. И. Галиева [19], А. М. Двойнин [20], Л. М. Дробижева [21], С. Ш. Жемчураева², А. В. Малашенко [22], А. В. Михалева [23], М. М. Мчедлова [24], Р. Ю. Рахматуллин [25], Ю. Ю. Сине-

¹ Соколовская И. Э. Социальная психология религиозной идентичности современной российской молодежи: дис.... д-ра психол. наук: 19.00.05. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2015. 315 с.

² Жемчураева С. Ш. Теоретико-методологические аспекты социологической диагностики идентичности чеченцев в полиэтнической среде: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2010. 285 с.

лина [26], Л. Н. Фролова¹, В. И. Хоменко² и др., в работах которых представлены социологический и социально-психологический подходы к рассмотрению данного явления. Так, З. А. Жаде и С. А. Ляужева подчеркивают, что в процессе самоидентификации мусульман определяющую роль играет исламский фактор, отражающийся на политической жизни современных государств [27, с. 149]. Мусульманская идентичность, как и любой другой вид социальной идентичности личности, не является статичным образованием и подвержена изменениям, поскольку именно в сфере межконфессиональных отношений как социальных оппозиций модифицируются религиозные нормы и поведенческие модели членов общества.

О. С. Павлова выделяет в структуре исламской идентичности когнитивный и аффективный компоненты [28]. Вместе с тем результаты ряда исследований Дж. Марсиа [29], Х. Уайтхауза [30], Л. М. Дробижевой [6] и др. позволяют включить в эту структуру и поведенческий компонент, связанный с непосредственным участием в религиозных традициях, праздниках и повседневной религиозной жизни. Дж. Марсиа, рассматривая идентичность личности с позиции статусного подхода [29], предлагает учитывать процессуальные и содержательные переменные, характеризующие поведенческий аспект. Некоторые исследователи утверждают, что именно этот аспект определяет выраженность идентичности личности, так как обуславливает построение системы отношений и действий в различных социокультурных контактах и ситуациях межгруппового взаимодействия³ [6].

Согласно идеям Х. Уайтхауза, передаче и закреплению в памяти индивида сложных религиозных представлений служат религиозные ритуалы. Они могут быть образными и доктринальными, и каждый из этих видов актуализируют особые когнитивные механизмы закрепления и воспроизводства религиозности [30].

О. С. Павлова, В. М. Миназова, О. Е. Хухлаев и др., проводя в 2015 г. исследования на базе Чеченского государственного педагогического университета и Чеченского государственного университета, пришли к выводу о том, что религиозная идентичность студентов этих вузов представляет собой четырехфакторную структуру, включающую следующие параметры (в порядке убывания):

- индивидуальную духовную идентичность;
- идентичность по вероисповеданию;

¹ Фролова Л. Н. «Народный» ислам и мечеть: социологический анализ (на материалах Республики Адыгея): дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2006. 225 с.

² Хоменко В. И. Религиозность населения России: теоретико-методологические основания измерения: дис.... канд. социологических наук. Москва, 2017. 203 с.

³ Верещагина М. В. Этническая идентичность и этническая толерантность русских и осетинских студентов: дис. ... канд. психол. наук. Владикавказ, 2010. 262 с.

- социальную духовную идентичность;
- идентификацию с помощью религии как способа социального взаимодействия [31].

Результаты изучения компонентов религиозной идентичности по методам К. Линча [32] и Д. Ван Кампа [33] показали, что чеченские студенты идентифицируют себя, в первую очередь, с представителями религии (мусульманами), т. е. считают религиозную принадлежность определяющей ценностью, а уже затем позиционируют себя как представители чеченского народа [31, с. 96].

Как видим, среди основных параметров обсуждаемого феномена обозначена и идентификация с этнической группой. При этом пока отсутствуют исследования, посвященные связи религиозной и этнической идентичности, которая является предметом нашего научного интереса. Мы предполагаем, что религиозная идентичность чеченских студентов в современном социокультурном контексте типологизируется в зависимости от сочетания (соотношения) ее типов и видов с типами и видами этнической и религиозной идентичностей.

Материалы и методы

Для достижения поставленной нами цели применялись:

- 1) опросник Г. Олпорта, Д. Росса «Шкала религиозной ориентации» [34]. Данная методика считается надежным и валидным инструментом, выявляющим религиозные ориентации личности вне зависимости от вероисповедания;
- 2) опросник «Структура индивидуальной религиозности» Ю. В. Щербатых [35];
- 3) анкета А. Н. Татарко, Н. М. Лебедевой по изучению определенности и валентности этнической идентичности и готовности к межэтническому взаимодействию [36];
- 4) методика «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой [37].

В исследовании приняли участие 287 студентов Чеченского государственного педагогического университета в возрасте до 30 лет – 208 девушек и 79 юношей.

Результаты исследования

С помощью опросника Г. Олпорта, Д. Росса были определены типы религиозной ориентации студентов, относящихся к чеченской этнической группе:

- последовательно внутренне религиозные личности, для которых религия представляет собой самостоятельную, конечную ценность и первичный мотив (57,8% выборки);

- последовательно внешне религиозные личности, рассматривающие религию как инструмент для достижения других, более значимых ценностей (обеспечения уверенности в себе, утешения, безопасности и комфорта, статуса или социального одобрения, установления социальных контактов) (27,2%);
- непоследовательно религиозные личности с преобладанием внешней религиозной ориентации над внутренней в мотивации поведения (12,5%);
- нерелигиозные личности (2,5%) (рис. 1).

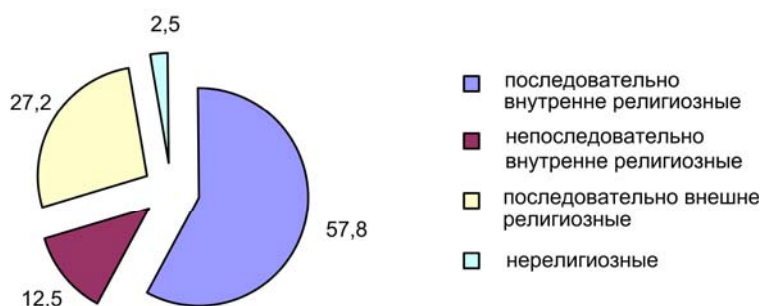

Рис. 1. Типы религиозной ориентации чеченских студентов, %
Fig. 1. Types of religious orientation of Chechen students, %

Использование анкеты А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой [36] помогло установить особенности этнической идентичности респондентов.

Позитивная этноидентичность оказалась свойственна 17,1% чеченских студентов. Образ собственного народа воспринимается ими как положительный, его культура и история вызывают интерес и благожелательное отношение. Высокий уровень указанного показателя зафиксирован у 57,8% опрошенных. В иерархии их социальных идентичностей доминирует национальная принадлежность; их отличает выраженная потребность в идентификации и консолидированности со своей этнической группой, сопровождающаяся этноцентристскими тенденциями.

Анализ результатов исследования типов этнической идентичности по методике Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой [37] показал, что в выборке преобладает позитивная этническая идентичность по типу нормы (79,1% респондентов), это говорит о позитивном образе собственной этнической группы с положительным ценностным отношением к другим этническим группам. У остальных испытуемых выявлены этноцентрические тенденции с доминированием этнических интересов и целей (рис. 2). Согласно

данной методике, у респондентов могут быть обнаружены одновременно несколько типов этнической идентичности.

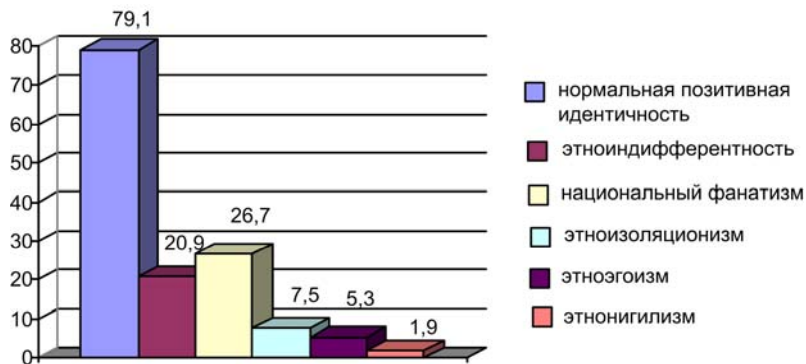

Рис. 2. Типы этнической идентичности чеченских студентов, %
Fig. 2. Types of ethnic identity of Chechen students, %

Для выяснения содержания и особенностей религиозной идентичности представителей чеченского студенчества мы применили факторный анализ, предварительно проверив описанные выше результаты исследования на возможность проведения этой статистической процедуры с помощью критерия Кайзера – Мейера – Олкина [38]. В результате были получены девять комплексных факторов, которые объясняют наблюдаемые связи между религиозной и этнической идентичностью (далее в тексте факторные веса переменных указаны в скобках).

Результаты факторного анализа
Results of factor analysis

№ п/п	Комплексный фактор	Доля дисперсии, %
1.	Этнокультурная религиозная идентичность	20,993
2.	Этноцентристская идентичность	11,245
3.	Асоциальная идентичность	8,989
4.	Истинная мусульманская идентичность	8,032
5.	Формальная религиозная идентичность	6,563
6.	Неадаптивная религиозная идентичность	5,738
7.	Позитивная этническая идентичность	4,658
8.	Просоциальная религиозная идентичность	4,533
9.	Неорелигиозная ориентация	3,828

Рассмотрим содержательные аспекты перечисленных факторов.

1. Этнокультурная религиозная идентичность включает переменные, касающиеся религиозной идентичности, основанной на вере в твор-

ца, признании существования высшей силы, создавшей мир (факторный вес – 0,838). Эти установки выражаются в философской концепции, согласно которой религия наполняет жизнь неким особым значением и смыслом (0,677); тенденции искать в религии поддержку и утешение через общение верующих между собой, опосредованное религиозными ценностями и убеждениями (0,711), отражающими мировоззренческую функцию религии, которые опираются на религиозную веру и связаны с определенным отношением личности к надчеловеческому духовному миру, что позволяет реализовать культурную функцию религии (0,712) наряду со стремлением сохранить позитивную этническую идентичность, когда образ собственного народа воспринимается как положительный и сопровождается благоприятным отношением к этнической культуре и истории своего этноса (0,411). Осознание принадлежности и причастности к религиозной этнической общности дает респондентам ощущение психологической безопасности и стабильности [39, с. 23–24].

2. Этноцентристская идентичность объединяет положения, относящиеся к негативизму, враждебным реакциям в отношении других этнических групп (0,777); напряженности и раздражении в общении с представителями иных этногрупп, убежденности в превосходстве своего народа, признании необходимости «очищения» национальной культуры (0,852); доминировании этнических интересов и целей, что сопровождается негативным отношением к межнациональным бракам и ценностям «чужих» народов (0,731), т. е. этнической интолерантности при снижении актуальности и значимости общероссийской идентичности (–0,591), отсутствии веры в прекращение конфликтов между народами и межнациональной напряженности, в установление взаимопонимания между ними на основе доверия (–0,464). Заметим, что данная совокупность переменных отрицательно коррелирует с позитивностью этнической идентичности – наряду с отрицательным образом собственной этнической группы имеет место идентичность, отражающая этноцентристскую идеологию об исключительности и превосходстве своего народа по правам и развитию, что порождает негативизм и враждебность к другим этническим группам.

3. Асоциальная идентичность свидетельствует о вере в загадочные и таинственные явления (0,525), не обнаруживая связей с типами и видами этнической идентичности.

4. Истинную мусульманскую идентичность можно охарактеризовать через религиозное самосознание, которое позволяет человеку ощущать себя членом единой религиозной общности, скрепленной общими ценностями и целями, основанными на религиозном веровании. Такое понимание дает

возможность постигать содержание определенных ценностных установок и нравственных норм, которые вырабатываются в рамках религиозной традиции и определяют соответствующую программу поведения (0,807).

5. Формальная религиозная идентичность включает переменные, связанные с проявлениями внешних признаков религиозности (0,302), позволяющей реализовать культурную функцию религии, воздействуя на ее распространение. Такая направленность сопровождается поиском социальной (эмоциональной, материальной или информационной) поддержки, четким осознанием себя членом чеченской этнической группы (-0,825), оптимизмом относительно будущего межэтнических отношений, убежденностью в возможности прекращения межнациональных конфликтов, установления доверия и взаимопонимания между народами (0,670).

6. Неадаптивная религиозная идентичность – это сочетание экстринсивной (внешней) религиозной ориентации (0,413) с интринсивной (внутренней) религиозной ориентацией (-0,719).

7. Позитивная этническая идентичность отражает корреляции между положительным восприятием собственного народа, которое сопровождается благоприятным отношением к его культуре и истории (0,463), и значимостью общероссийской идентичности (0,360), признанием ценности этничности и этнических ценностей (0,606), равнодушием к проблеме собственной этничности (-0,843) и межэтнических отношений, а также к ценностям своего и других народов (-0,450).

8. Просоциальная религиозная идентичность свидетельствует о второстепенной ценности религии на фоне других значимых ценностей (0,491), т. е. о внешней религиозной ориентации.

9. Неорелигиозная ориентация включает религиозную идентичность, опирающуюся на философскую концепцию, согласно которой религия наполняет жизнь особым значением и смыслом, не противоречащим общественным нормам и принципам (0,450).

Обсуждение и заключение

В ходе факторного анализа были выявлены типы религиозных личностей чеченских студентов и зафиксировано преобладание среди них последовательно внутренне религиозных. Установлено, что в структуре социальной идентичности испытуемых доминирует сочетание религиозной и этнической идентичностей. Эти данные согласуются с результатами исследования О. С. Павловой, В. М. Миназовой, О. Е. Хухлаева [31], свидетельствующими о том, что чеченцы идентифицируют себя, в первую очередь, с мусульманами и представителями чеченского этноса.

Новизна нашего исследования заключается в анализе содержания религиозной идентичности чеченских студентов как вида социальной идентичности на основе изучения ее связи с типами и видами этнической идентичности.

В зависимости от выраженности внешней или внутренней религиозности и их связей с типами и видами этнической идентичности типология религиозной идентичности чеченских студентов включает

- этнокультурную религиозную идентичность;
- этноцентристскую идентичность;
- истинную мусульманскую идентичность;
- позитивную этническую идентичность;
- формальную религиозную идентичность;
- просоциальную религиозную идентичность;
- неадаптивную религиозную идентичность;
- неорелигиозную ориентацию.

Выявление типов религиозной идентичности и описание их содержания вносят вклад в социальную психологию личности. Результаты исследования могут быть использованы для обобщения и систематизации уже имеющихся данных по рассматриваемой проблеме.

Список использованных источников

1. Fukuyama F. Identity [Электрон. ресурс] // Farrar, Straus and Giroux. 2018. Режим доступа: <http://yandex.ru/clck/jsreidir?bu=64s744&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&text=5277> (дата обращения: 8.09.2019).
2. Waage P. N. Islam und die moderne Welt. Versuch eines Dialogs. Oslo: Futurum, 2004. 141 p.
3. Кудряшова И. В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: Священный текст и социальный опыт [Электрон. ресурс] // Вестник РУДН. Серия Политология. 2017. № 4. С. 349–365. Режим доступа: <http://yandex.ru/clck/jsreidir?bu=k2s3&from=yandex.ru> (дата обращения: 8.12.2018).
4. Нунуев С. М. Риски политизации исламской идентичности в современной России (на материалах Северного Кавказа) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 2. С. 63–69.
5. Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. Москва: Международные отношения, 2003. 216 с.
6. Дробижева Л. М. Российская, этническая и региональная идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2002. № 2. С. 213–244.
7. Moscovici S. Social Representations Theory: A New Theory for Media Research // Nordicom Review. 2011. № 32 (2). P. 3–16. Available from: <http://yan>

dex.ru/clck/jsredir?bu=47ul3e&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&etext=5277.0pQXZvh0d- (date of access: 8.09.2019).

8. Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 3-е изд., доп. и перераб. Москва: ИКАР, 2014. 356 с.

9. Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behaviour // Psychology of Intergroup Relations / S. Worchel, W. G. Austin (Eds.). Chicago, 1986. P. 15–47.

10. Brewer Marilynn B. Intergroup Relations. Advanced Social Psychology: The State of the Science, ed. by Roy F. Baumeister and Eli J. Finkel. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 535–571.

11. Lenski G. The Religious Factor. New York, 1961. P. 3–6.

12. Lenski G. The Religious Factor, A Sociological Study of Religion's Impact on Politics, Economics, and Family Life. Connecticut, 1963. 414 p.

13. De Fina A. Group identity, narrative and self-representations // De Fina A., Schiffrin, D., Bamberg, M. (Eds.). Discourse and identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 351–375.

14. McAdams D. P. Personality, modernity, and the storied self: A contemporary framework for studying persons // Psychological Inquiry, 1996. Vol. 7, № 4. P. 295–321.

15. Elcia M., Sener I., Alpkan L. The Impact of Morality and Religiosity of Employees on Their Hardworking Behavior // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2011. Vol. 24. P. 1367–1377. Available from: <http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=77up3x&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&etext=5277.X4I>

16. Giddens A. Modernity and self-identity self and society in late modern age. Cambridge: Polity Press, 1991. 150 p.

17. Glock Ch. On the Study of Religious Commitment // Religious Education. 1962. Vol. 57. Supplement 4. P. 98–110.

18. Бабич И. А. «Мягкая исламская революция» в современной Адыгее [Электрон. ресурс] // Россия и мусульманский мир. 2014. № 4. С. 31–37. Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/475345> (дата обращения: 29.12.2018).

19. Галиева Г. И. Потенциал молодежи в сохранении этноконфессиональных традиций: опыт фокус-группового исследования // Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы: сб. материалов Третьего конгресса российских исследователей религии (7–9 октября 2016 г. Владимир, ВлГУ): в 6 т. Т. 3 / Владимир, Государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир: Аркаим, 2016. С. 228–237.

20. Двойнин А. М. Психология религии в России: задачи и перспективы. Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы: сб. материалов Третьего конгресса российских исследователей религии (7–9 октября 2016 г. Владимир, ВлГУ): в 6 т. / Владимир, Государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир: Аркаим, 2016. Т. 3. С. 104–107.

21. Дробижева Л. М. Татарстан. Процесс реисламизации и современные тренды развития мусульманской идентичности [Электрон. ресурс] // Россия и мусульманский мир. 2014. № 4. С. 24–31. Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/475344> (дата обращения: 15.09.2017).

22. Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. Москва: Московский Центр Карнеги, 1998. 222 с.
23. Михалева А. В. Региональное измерение исламской идентичности в России (на примере Пермского края) [Электрон. ресурс] // Россия и мусульманский мир. 2011. № 10. С. 20–25. Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/474677> (дата обращения: 23.05.2017).
24. Мчедлова М. М. Религия и общество в современной России: поиск единства // Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. Москва: Весь Мир, 2017. С. 287–307.
25. Рахматуллин Р. Ю. Проблемы мусульманской идентичности // Вестник ВЭГУ. № 2 (94). Уфа: Издательство Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, 2018. С. 72–82.
26. Синелина Ю. Ю. Изменение религиозности населения России: православные и мусульмане. Суеверное поведение россиян. Москва: Наука, 2006. 110 с.
27. Ляушева С. А., Жаде З. А. Религиозная идентичность: некоторые подходы к осмыслению феномена // Научные труды КубГТУ. 2018. № 10. С. 146–154.
28. Павлова О. С. Психология религии в исламской парадигме: состояние и перспективы развития // Ислам в современном мире. 2015. № 11 (4). С. 207–222.
29. Marcia J. E. Development and validation of ego-identity status // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol. 3. P. 551–558.
30. Whitehouse H. Modes of Religiosity: A Cognitive Theory of Religious Transmission. Walnut Creek, 2004. 208 p.
31. Павлова О. С., Миназова В. М., Хухлаев О. Е. Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 4. С. 90–99.
32. Leach C. W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M. L. W., Pennekamp S. F., Doosje B., Ouwerkerk J. W., Spears R. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multi-component) model of in-group identification // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. № 95 (1). P. 144–165.
33. Van Camp D. Religious Identity: Individual or Social? Exploring the Components and Consequences of Religious Identity: PhD. thesis. Howard University, Washington, D.C., 2010. Available from: <http://search.proquest.com/pqdtft/docview/743822279/13E4AA3864B650ABE7C/1?accountid=35419> (date of access: 13.05.2016).
34. Allport G. W., Ross J. M. Personal religious orientation and prejudice. [Электронный ресурс] // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 5. № 4. P. 432–443. Режим доступа: <http://yandex.ru/clck/jsreidir?bu=axd8&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&etext=2140.uIdUrnCTss0Idj1KAintfOeueun0QAFt1fWd7MI> (date of access: 17.09.2017).
35. Мягков И. Ф., Щербатых Ю. В., Кравцова М. С. Психологический анализ уровня индивидуальной религиозности // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 6. С. 119–122.

36. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросскультурной психологии: учебно-методическое пособие. Москва: Высшая школа экономики, 2011. С. 15–17.

37. Емельянова Э. Практикум по этнической психологии. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2015. 158 с.

38. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных [Электрон. ресурс]. 2004. Режим доступа: http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=gmvc&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&text=2140.U0orgECxl0K_nLKWNylhX9IHlylFTQXpNTIDTCJUmE (дата обращения: 21.12.2018).

39. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2009. 368 с.

References

1. Fukuyama F. Identity. Farrar, Straus and Giroux [Internet]. 2018 [cited 2019 Sep 8]. Available from: <http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=64s744&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&text=5277>

2. Waage P. N. Islam und die moderne Welt. Versuch eines Dialogs. Oslo: Futurum; 2004. 141 p.

3. Kudryashova I. V. Muslim political identity in the modern era: Sacred text and social experience. *Vestnik RUDN. Serija Politologija = Vestnik RUDN. Series Political Science* [Internet]. 2017 [cited 2018 Dec 8]; 4: 349–365. Available from: <http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=k2s3&from=yandex.ru> (In Russ.)

4. Nunuev S. M. Risks of politicization of Islamic identity in modern Russia (based on the materials of the North Caucasus). *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' = Historical and Socio-Educational Thought*. 2015; 7 (2): 63–69. (In Russ.)

5. Zhdanov N. B. Islamskaja koncepcija miroporjadka = Islamic concept of world order. Moscow: Publishing House Mezhdunarodnye otnoshenija; 2003. 216 p. (In Russ.)

6. Drobizheva L. M. Russian, ethnic and regional identity: confrontation or compatibility. *Rossija reformirujushhajasja = Reforming Russia*. 2002; 2: 213–244. Moscow: Federal Research Sociological Centre of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

7. Moscovici S. Social representations theory: A new theory for media research. *Nordicom Review* [Internet]. 2011 [cited 2019 Sep 8]; 32 (2): 3–16. Available from: <http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=47ul3e&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&text=5277.0pQXZvh0d->

8. Krylov A. N. Religioznaja identichnost'. Individual'noe i kollektivnoe samoznanie v postindustrial'nom prostranstve = Religious identity. Individual and collective self-consciousness in the post-industrial space. 3rd ed. Moscow: Publishing House IKAR; 2014. 356 p. (In Russ.)

9. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behaviour. *Psychology of intergroup relations*. Ed. by S. Worchel, W. G. Austin. Chicago; 1986. p. 15–47.

10. Brewer Marilynn B. Intergroup relations. *Advanced social psychology: The State of the science*. Ed. by Roy F. Baumeister, Eli J. Finkel. Oxford University Press; 2010. p. 535–571.

11. Lenski G. The religious factor. New York; 1961. p. 3–6.
12. Lenski G. The religious factor, a sociological study of religion's impact on politics, economics, and family life. Connecticut; 1963. 414 p.
13. De Fina A. Group identity, narrative and self-representations. Ed. by De Fina A., Schiffrin D., Bamberg M. Discourse and identity. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. p. 351–375.
14. McAdams D. P. Personality, modernity, and the storied self: A contemporary framework for studying persons. *Psychological Inquiry*. 1996; 7 (4): 295–321.
15. Elcia M., Sener I., Alpkan L. The impact of morality and religiosity of employees on their hardworking behavior. *Procedia – Social and Behavioral Sciences* [Internet]. 2011 [cited 2019 Sep 8]; 24: 1367–1377. Available from: <http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=77up3x&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&text=5277.X4I>
16. Giddens A. Modernity and self-identity self and society in late modern age. Cambridge: Polity Press; 1991. 150 p.
17. Glock Ch. On the study of religious commitment. *Religious Education*. 1962; 57 (4): 98–110.
18. Babich I. L. “Soft Islamic revolution” in modern Adygea. *Rossija i musul'manskij mir = Russia and the Muslim World* [Internet]. 2014 [cited 2018 Dec 29]; 4: 31–37. Available from: <https://rucont.ru/efd/475345> (In Russ.)
19. Galieva G. I. the Potential of youth in the preservation of ethno-confessional traditions: the experience of focus group research. In: *Akademicheskoe issledovanie i konceptualizacija religii v XXI veke: tradicii i novye vyzovy: sb. materialov Tret'ego kongressa rossijskih issledovatelej religii (7–9 oktjabrja 2016 g. Vladimir, VIGU): v 6 t. T. 3 = Academic Research and Conceptualisation of Religion in the XXI Century: Traditions and New Challenges. Collection of Materials of the Third Congress of Russian Researchers of Religion*; 2016 Oct 7–9; Vladimir. In 6 volumes. Vol. 3. Vladimir: Arkaim; 2016. p. 228–237. (In Russ.)
20. Dvoinin A. M. Psychology of religion in Russia: problems and prospects. In: *Akademicheskoe issledovanie i konceptualizacija religii v XXI veke: tradicii i novye vyzovy: sb. materialov Tret'ego kongressa rossijskih issledovatelej religii (7–9 oktjabrja 2016 g. Vladimir, VIGU): v 6 t. T. 3 = Academic Research and Conceptualisation of Religion in the XXI Century: Traditions and New Challenges. Collection of Materials of the Third Congress of Russian Researchers of Religion*; 2016 Oct 7–9; Vladimir. In 6 volumes. Vol. 3. Vladimir: Arkaim; 2016. p. 104–107. (In Russ.)
21. Drobizheva L. M. Tatarstan. The process of re-Islamisation and modern trends in the development of Muslim identity. *Rossija i musul'manskij mir = Russia and the Muslim World* [Internet]. 2014 [cited 2017 Sept 15]; 4: 24–31. Available from: <https://rucont.ru/efd/475344> (In Russ.)
22. Malashenko A. Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoj Rossii = The Islamic revival in modern Russia. Moscow: Moscow Carnegie Centre; 1998. 222 p. (In Russ.)
23. Mikhaleva A. V. Regional dimension of Islamic identity in Russia (on the example of the Perm region). *Rossija i musul'manskij mir = Russia and the Muslim*

World [Internet]. 2011 [cited 2017 May 23]; 10: 20–25. Available from: <https://rucont.ru/efd/474677> (In Russ.)

24. Mchedlova M. M. Religija i obshhestvo v sovremennoj Rossii: poisk edinstva = Religion and society in modern Russia: The search for unity. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni = Russian Society and the Challenges of Time. 5th book. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2017. p. 287–307. (In Russ.)

25. Rakhmatullin R. Y. The problem of Muslim identity. *Vestnik vostochno jekonomiko-juridicheskoy gumanitarnoj akademii = Bulletin of the East Economic and Legal Humanitarian Academy*. 2018; 2 (94): 72–82. Ufa: Publishing House of the Eastern Economics and Law Humanitarian Academy. (In Russ.)

26. Sinelina Y. Y. Izmenenie religioznosti naselenija Rossii: pravoslavnye i musul'mane. Suevernoe povedenie rossijan = Change of religiosity of the population of Russia: Orthodox and Muslims. Superstitious behaviour of Russians. Moscow: Publishing House Nauka; 2006. 110 p. (In Russ.)

27. Lyausheva S. A., Zhade Z. A. Religious identity: some approaches to the understanding of the phenomenon. *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta = Scientific works of the Kuban State Technological University*. 2018; 10: 146–154. (In Russ.)

28. Pavlova O. S. Psychology of religion in the Islamic paradigm: state and prospects of development. *Islam v sovremennom mire = Islam in the Modern World*. 2015; 11(4): 207–222. (In Russ.)

29. Marcia J. E. Development and validation of ego-identity status. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966; 3: 551–558.

30. Whitehouse H. Modes of religiosity: A cognitive theory of religious transmission. Walnut Creek; 2004. 208 p.

31. Pavlova O. S., Minasov V. M., Khukhlaev O. E. Religious identity of Muslim students (based on the study of young people living in the Chechen Republic). *Kul'turno-istoricheskaja psihologija = Cultural-Historical Psychology*. 2016; 12 (4): 90–99. (In Russ.)

32. Leach C. W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M. L. W., Pennekamp S. F., Doosje B., et al. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multi-component) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008; 95(1): 144–165.

33. Van Camp D. Religious identity: individual or social? Exploring the components and consequences of religious identity [Internet]. Washington: Howard University; 2010 [cited 2016 May 13]. Available from: <http://search.proquest.com/pqdft/docview/743822279/13E4AA3864B650ABE7C/1?accountid=35419>

34. Allport G. W., Ross J. M. Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967; 5 (4): 432–443.

35. Myagkov I. F., Shcherbatykh Yu. V., Kravtsova M. S. Psychological analysis of the level of individual religiosity. *Psihologicheskij zhurnal = Psychological Journal*. 1996; 17 (6): 119–122. (In Russ.)

36. Tatarko A. N., Lebedeva N. M. Metody jetnicheskoy i krosskul'turnoj psihologii = Methods of ethnic and cross-cultural psychology. Moscow: Higher School of Economics; 2011. p. 15–17. (In Russ.)

37. Emelyanova E. Praktikum po jetnicheskoj psihologii = Practical course on ethnic psychology. Irkutsk: Irkutsk State University; 2015. 158 p. (In Russ.)

38. Nasledov A. D. Matematicheskie metody psihologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretacija dannyh = Mathematical methods of psychological research. Data analysis and interpretation [Internet]. 2004 [cited 2018 Dec 21]. Available from: http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=gmvc&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&text=2140.U0or-gECxl0K_nLKWNylhX9IHlylFTQXpNTIDTCJUme (In Russ.)

39. Stefanenko T. G. Jetnopsihologija = Ethnopsychology. Moscow: Publishing House Aspekt Press; 2009. 368 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Хасханова Милана Тахировна – аспирант кафедры психологии Северо-Осетинского государственного педагогического института, Владикавказ, Россия; старший преподаватель кафедры психологии Чеченского государственного педагогического университета, Грозный, Россия. E-mail: milaya@mail.ru

Верещагина Марина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Чеченского государственного педагогического университета, Грозный, Россия. E-mail: vermarina@inbox.ru

Вклад соавторов:

М. Т. Хасхановой выполнено 2/3 работы, М. В. Верещагиной – 1/3.

Статья поступила в редакцию 14.04.2019; принята в печать 11.09.2019. Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Milana T. Khaskhanova – Post-Graduate Student, Department of Psychology, North Ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz, Russia; Senior Lecturer, Department of Psychology Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia. E-mail: milaya@mail.ru

Marina V. Vereshchagina – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology, Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia. E-mail: vermarina@inbox.ru

Contribution of the authors: The actual contribution of Khaskhanova M. T. – 2/3 of the work performed, Vereshchagina M. V. – 1/3.

Received 14.04.2019; accepted for publication 11.09.2019.

The authors have read and approved the final manuscript.